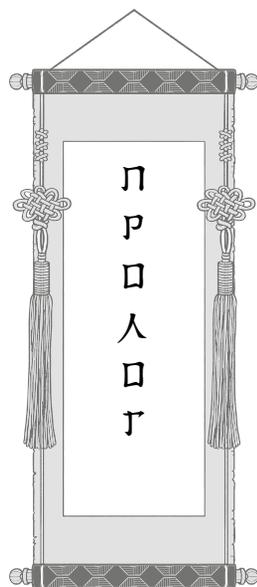

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	27
Глава 3	39
Глава 4	47
Глава 5	57
Глава 6	71
Глава 7	81
Глава 8	91
Глава 9	101
Глава 10	109
Глава 11	117
Глава 12	129

Глава 13	139
Глава 14	149
Глава 15	159
Глава 16	171
Глава 17	183
Глава 18	193
Глава 19	207
Глава 20	219
Глава 21	229
Глава 22	239
Глава 23	249
Глава 24	257
Глава 25	265
Глава 26	273
Глава 27	283
Глава 28	291
Глава 29	299
Эпилог	311

Павильон Хаоюй

Фэн-Фанг смотрела прямо перед собой и не могла поверить, что дверь в хранилище не заперта. На её памяти такое было впервые. Полотно казалось таким пронзительно белоснежным, что у Фэн-Фанг заслезнились глаза, пока она зачарованно вглядывалась в резные створы, изготовленные из дерева и стекла. Тёплый летний ветер, свободно гулявший по павильону, распахивал двери всё шире и шире. Он словно уговаривал девочку войти в хранилище, и, не сумев перебороть любопытства, Фэн-Фанг несильно толкнула одну из створ. Та беспшумно подалась под её детскими пальчиками. Фэн-Фанг задержала дыхание и со смесью страха и благоговения шагнула внутрь.

От изумления Фэн-Фанг не сумела сдержать восторженного возгласа. В ту же секунду он полетел вперёд и затерялся в бесконечном пространстве хранилища, с обеих сторон заставленного вытянутыми вверх стеллажами.

Фэн-Фанг неторопливо брела вперёд, перебирая ногами по белоснежному мраморному полу, и с искренним восторгом в глазах осматриваясь кругом. Здесь, в павильоне Хаоюй, что находился на вершине горы Нингонг, всё было вытесано из белого мрамора, отчего хранилище казалось холодным и безликим. Подняв голову, Фэн-Фанг посмотрела наверх, вглядываясь в высокий потолок, до которого, казалось, невозможно дотянуться. Но вскоре её взгляд вновь вернулся к стеллажам.

Фэн-Фанг ещё ни разу не видела столько вещей, собранных в одном месте. Полки стеллажей ломились от различных статуэток, свитков, камней, а некоторые диковины Фэн-Фанг видела впервые и понятия не имела, как они называются. Её руки то и дело взмывали вверх, чтобы потрогать приглянувшуюся безделушку, но Фэн-Фанг тут же прятала их за спину и сжимала в кулачки. Если отец узнает, что она ослушалась его приказа никогда и ни под каким предлогом не переступать порог хранилища, то ей несдобровать!

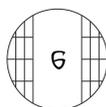
Фэн-Фанг оглянулась назад, боясь, что уйдёт слишком далеко, но дверь всё ещё зияла за её спиной огромной белозубой пастью, вынуждая девочку потерять бдительность.

Казалось, огромным стеллажам, тянувшимся к самому потолку, нет счёта. Бронзовые статуэтки львов и журавлей, драгоценные подвески, камни для чернил — чего здесь только не было! Фэн-Фанг знала, что в павильоне Хаоюй хранятся ценные вещицы некогда исчезнувших кланов, но она даже предположить не могла, что их так много! И как только хрупкие на вид полки выдерживают вес всех этих предметов?

На одной из полок лежал веер. Мастер, изготовивший его, искусно использовал в своей работе перья самки зимородка, но сейчас всю эту красоту покрывал толстый слой пыли.

Фэн-Фанг вскинула руку, но тут же одёрнула себя.

— Глупая, глупая Фэн-Фанг! Нельзя! Нельзя ничего трогать! Иначе отец рассердится! — с укором произнесла она, при этом хлопнув себя ладошкой по щеке.

Отец не раз говорил, что многие хранившиеся здесь предметы опасны, поскольку были изготовлены с дурными помыслами и для дурных дел, и могут причинить вред.

С веера её взгляд переместился чуть левее и затерялся где-то в самом дальнем углу полки. Глаза девочки заблестели, рот забавно округлился, и гулкую тишину павильона разрезал восторженный возглас. Стремясь заглушить его, Фэн-Фанг мигом прикрыла рот ладошкой. Взгляд же её так и остался прикованным к яшмовой статуэтке танцовщицы, задвинутой вглубь одной из полок.

Фигурка казалась такой изящной, грациозной и словно... живой. На миг Фэн-Фанг представила, что сейчас в павильоне зазвучит музыка, а крохотная танцовщица очнётся и примется кружиться. Мастер так искусно проработал каждую деталь, что фигурка не могла не восхитить девочку. Рука сама собой потянулась вверх, и Фэн-Фанг, позабыв обо всех наставлениях строгого господина Чао, прикоснулась пальцами к грустному личику танцовщицы. Ей казалось, что статуэтка должна быть холодной, но, как ни странно, гладкий камень излучал тепло, словно в нём бурлила энергия ци.

«Разве может такая красота навредить кому-то?» — удивилась Фэн-Фанг и, позабыв о всякой осторожности, сняла статуэтку с полки.

Она оказалась лёгкой. Крошечные ладони танцовщицы тянулись вверх, а подол ханьфу воздушной пеной замер вокруг её стройных ног.

— Фэн-Фанг! — раздался вдруг резкий окрик за её спиной, заставивший девочку задохнуться от страха.

— Отец! — ужаснулась она и мгновенно опустила статуэтку на первую подвернувшуюся под руку полку.

Пальцы Фэн-Фанг дрожали, а сама она сделалась до смешного неуклюжей и неповоротливой и случайно задела широким рукавом своего синего ханьфу один из свитков на полке. Он покатился, зацепив несколько маленьких фарфоровых флаконов. Те, опрокинувшись, зазвенели и забренчали, точно колокольчики, но у Фэн-Фанг не было времени

поднимать их. Не оглядываясь на беспорядок, который сама же и учинила, девочка бросилась обратно к двери, возле которой её уже дожидался отец.

— Фэн-Фанг! — снова произнёс господин Чао. Голос его был чрезвычайно сердитым. Девочка вздрогнула, потупив взгляд в мраморный пол. — Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не смела заходить сюда! Хранитель Жонг отвечает за всё, что находится в хранилище. Ты хочешь, чтобы его наказали за твои шалости?

— Фэн-Фанг смиренно просит прощения! — проямлила девочка, и щёки её заалели. — Я не специально! Я больше не буду!

— Ты ничего не трогала в хранилище? Ты ведь знаешь, как это опасно!

— Нет, отец, — снова проямлила девочка, втянув голову в плечи и боясь поднять взгляд на отца.

— В следующий раз будешь ждать меня в павильоне Тай, — рявкнул господин Чао, точно зная, какой эффект произведут его слова. — Идём!

Фэн-Фанг кивнула и, бросив встревоженный взгляд на дверь в хранилище, которую отец уже успел закрыть, поплелась вслед за ним.

Ни Фэн-Фанг, ни тем более господин Чао даже не подозревали, что один из флаконов, в спешке опрокинутых девочкой, был закрыт неплотно, и теперь прозрачная жидкость медленно вытекала из его горлышка. Она капала на полку, лужицей собираясь у ног танцовщицы. Когда жидкость окутала её крошечные ступни, по телу танцовщицы прошла лёгкая рябь, статуэтка зашаталась и принялась покрываться сеткой трещин, как земля в самое засушливое лето. Павильон Хаоюй на секунду озарило вспышкой тёмного пурпурного света, мраморный пол содрогнулся, будто собираясь расколоться на части, а спустя долю мига всё стихло и замерло. В хранилище же на полу между стеллажами появилась юная девушка. Её высокий лоб прямо между тёмных бровей украшал небольшой красный рисунок в виде тянущихся вверх язычков пламени.

Длинные чёрные волосы рассыпались по хрупким плечам, укутанным чёрным же шёлком, намокшим от воды. Она оглядывалась тёмно-синими глазами, пытаясь понять, где оказалась, пока её стройное тело сотрясала крупная дрожь.

Девушка шумно дышала, приоткрыв рот. Она поднялась на с трудом удерживающие её ноги и, чтобы не упасть, схватилась руками за ближайший стеллаж. После долгого заточения в теле яшмовой танцовщицы её собственное тело сделалось непослушным и деревянным, и ей потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя.

— Лан-Лан? — позвала она, коснувшись тонкими негнущимися пальцами кулона на своей шее. Голос её после длительного молчания был сухим и ломким, а в горле першило, словно туда насыпали песка. — Лан-Лан?

Пальцы гладили красный нефрит, изображавший лисицу с несколькими хвостами, изогнутыми в разные стороны.

Спустя пару секунд, которые показались девушке вечностью, камень под её пальцами стал тёплым, внутри него что-то щёлкнуло, и в хранилище появилась ещё одна красавица. Она изогнулась, словно кошка, тряхнула копной длинных огненно-рыжих волос и огляделась по сторонам.

— Цин? — пронёсся по павильону её звонкий голос. — Где мы? Неужели... Тебе удалось освободиться?

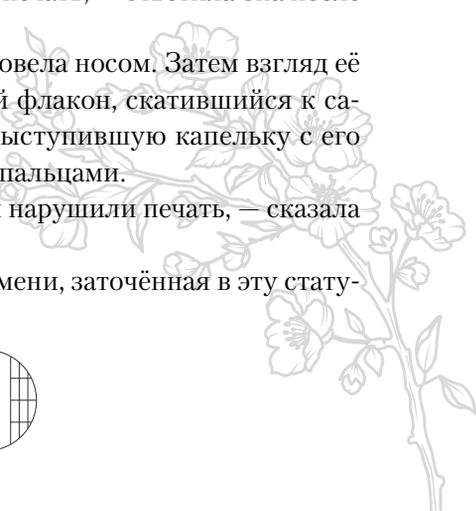
Цин неопределённо пожала плечами и бросила беглый взгляд на свой мокрый ханьфу. Ткань неприятно липла к ногам.

— Кажется... Что-то сломало печать, — ответила она после некоторого раздумья.

Лан-Лан подошла ближе и повела носом. Затем взгляд её золотистых глаз упал на пустой флакон, скатившийся к самому краю полки. Она сняла выступившую капельку с его горлышка и растёрла её между пальцами.

— Слезы богини Аи. Это они нарушили печать, — сказала Лан-Лан.

— Сколько же я провела времени, заточённая в эту статуэтку? — нахмурилась Цин.

Она с ненавистью взглянула на фигурку танцовщицы, лежавшую на полу. Ей захотелось расколоть её на части.

— По мне, так целую вечность! — в очередной раз потянувшись, сказала Лан-Лан. — Так есть хочется!

Словно подтверждая её слова, желудок Лан-Лан издал громкое протяжное урчание. Цин прищёлкнула языком.

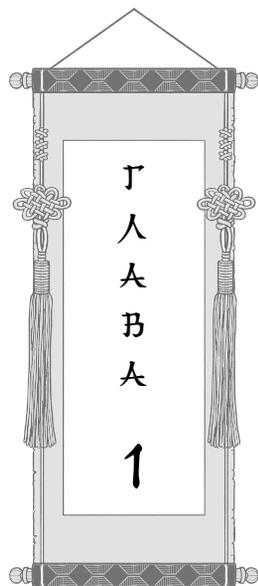
— Нужно выяснить, где мы оказались, — сказала она, поведя взглядом по хранилищу.

Она не узнавала это место. Очевидно одно, это не грот Вэйюань... Мысль о доме внезапно ударила её наотмашь, перекрывая дыхание. Перед глазами Цин завертелись жуткие картинки, а в голове прозвучал шелестящий голос матушки, умоляющей её исполнить обещание...

Цин вздрогнула, пальцы её похолодели, а к горлу подступила противная тошнота.

Она больно уцепилась за запястье, чтобы прийти в чувство. Не время проявлять малодушие. Сейчас многое зависело от её решимости.

— Идём, Лан-Лан! Нас с тобой ждёт одно незаконченное дело!

Ли-Сянь, пограничный город на пересечении трёх миров

Шумная толпа зевак заполонила центральную улочку города, превратив её в разноцветный галдящий улей. Кто-то бродил в поисках комнаты на ночь, кто-то искал чайную лавку, чтобы утолить жажду, а кто-то и просто глазел по сторонам, не преследуя никакой иной цели, кроме праздного любопытства.

Торговцы, стараясь перекричать друг друга, зазывали прохожих к своим лавкам и расхваливали товар, чтобы поскорее сбыть его с рук путникам из трёх миров, от которых в Ли-Сяне в конце лета было не протолкнуться.

Но Цин, неспешно шедшую вдоль главной улочки, не интересовали ни еда, ни ночлег. Да и бесполезные безделушки, которыми полнились широкие прилавки, были ей без надобности. Сокрытая от любопытных глаз белой вуалью вэймао¹,

¹ Вэймао — разновидность широкополой шляпы со свисающей вуалью до плеч.

Цин равнодушно поглядывала на суматоху, что кипела и бурлила вокруг неё.

Сколько она себя помнила, в Ли-Сяне всегда было многолюдно и шумно. А ведь с тех пор, когда Цин в последний раз свободно расхаживала по улицам города, затерявшись среди людей, демонов и небожителей, минуло две сотни лет. Впрочем, за то время, пока она «наслаждалась» гостеприимством яшмовой статуэтки, здесь мало что поменялось.

Цин ловко обогнула толпу демионц, выстроившихся у лавки с украшениями. Стоило ей услышать их беззаботный смех и болтовню, как она тут же сбилась с размеренного шага, останавливаясь.

А ведь раньше её соклановцы так же бродили по шумным улицам пограничного города, заходили в лавки, покупали еду, украшения. Но с тех времён остались лишь воспоминания, что хранила в отдалённых уголках своей памяти сама Цин...

Она тряхнула головой и, отвернувшись от демионц, продолжила свой путь. На смену внезапной грусти пришла непоколебимая решимость. Что толку вспоминать о былом? Она не для того всеми способами стремилась попасть в Ли-Сянь, чтобы предаваться горестным воспоминаниям. Они ей ничем не помогут! Не помогут мамушке. Не помогут Сиу...

Она свернула за угол, оставляя демионц далеко позади, и, пройдя ещё с полсотни шагов, остановилась около одного из местных постоянных дворов. Деревянная вывеска над дверью гласила «Йизэ»¹, и Цин без промедления направилась туда.

— Добро пожаловать, госпожа! — поприветствовал её на входе хозяин — пухлый мужчина со щербатой улыбкой на широком простодушном лице.

Цин едва заметно кивнула ему, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания.

¹ Йизэ — доброта.

— Принесите ваш фирменный женьшеневый суп, — распорядилась она, занимая один из столов на первом этаже. — Две порции.

Покорно кивнув, хозяин удалился исполнять её поручение.

Убедившись, что рядом с ней никого нет, она сняла вэй-мао и повела внимательным взглядом по сторонам, осматривая неказистый интерьер гостиницы. Что ж, если не слишком вглядываться, то здесь не так уж и паршиво. Серые невзрачные стены, деревянная лестница, несколько столов, в основном пустовавших сейчас.

Вскоре в зале вновь появился хозяин, неся миски с супом; от них вверх тянулся белёсый пар, словно от курильниц¹. Хозяин расторопно опустил их на стол перед Цин.

— Чем ещё могу быть полезен госпоже? — спросил он, продолжая улыбаться. — Может, вам нужна комната за умеренную плату? У нас останавливаются все жители трёх миров! И ещё никто не жаловался! — распинался он, но, заметив предостерегающий взгляд Цин, тут же откланялся, оставляя её одну.

Впрочем, Цин недолго пришлось томиться в одиночестве. Спустя несколько минут после ухода навязчивого хозяина в гостиницу лёгкой поступью вошла юная девица и, отыскав взглядом Цин, опустилась за стол напротив неё. Она откинула назад копну рыжих волос и тут же брезгливо повела чуть вздёрнутым кверху носом. Её хорошенькое личико забавно скривилось.

— Откуда этот запах? — спросила она, поглядывая по сторонам.

— Это пахнет твой суп, Лан-Лан, — ответила Цин, кивнув на две миски, стоявшие посреди стола.

— Гадость! — выдавила из себя Лан-Лан. — Ты предлагаешь мне это есть? — Она бросила красноречивый взгляд на Цин, вскинув вверх ухоженные брови. — А где утка? Или

¹ Курильницы — сосуды для воскурения благовоний.

цыплёнок? Могла бы выбрать гостиницу получше, раз в этой не подадут мясо!

— Говорят, этот суп весьма неплох, — хмыкнула Цин, а Лан-Лан даже приоткрыла рот от возмущения. — Ешь, у нас не так много денег, чтобы раскидываться едой!

— Помнится мне, ты продала парочку безделушек, которые стащила из небесного павильона Хаоюй, — подавшись вперёд, возразила Лан-Лан. — Хочу тебе напомнить, что я всё-таки лисица и не стану жевать... — она покосилась на тарелку с супом, словно в ней плавала ядовитая змея, — траву!

— Хватит ворчать, Лан-Лан! Деньги нам ещё пригодятся, — упрекнула её Цин, бросив внимательный взгляд на вошедших постояльцев. — Лучше скажи, ты нашла то, зачем я тебя отправляла?

Лан-Лан заморгала длинными пушистыми ресницами и постучала ладонью по ярко-бирюзовому поясу своего ханьфу. Губы её при этом довольно изогнулись.

— Конечно, госпожа! — Она вложила в руку Цин крошечный фарфоровый флакончик зелёного цвета. — Это же Ли-Сянь! Как и раньше, здесь можно отыскать всё что угодно!

Сердце Цин забилося чуть быстрее, когда она убирала флакон в небольшой поясной мешочек, украшенный вышитыми пионами.

— Хорошо! — Она взяла ложку и принялась помешивать ей суп, чтобы унять лёгкую дрожь в пальцах. — Значит, теперь у нас не должно возникнуть сложностей с проникновением на территорию академии. — Она перевела подозрительный взгляд на Лан-Лан. — Надеюсь, ты была осторожна?

— Разумеется! Вот только...

— Что такое? — разволновалась Цин. Что уже успела натворить эта лисица?

— Боюсь, что бальзам оказывает лишь временный эффект, — подавшись вперёд, предупредила её Лан-Лан. —

Содержимого этого флакона хватит на неделю, может, дней на десять.

— Не волнуйся, — усмехнулась Цин, бросив на стол цянь¹. В её глазах мелькнула сталь. — Я не собираюсь надолго задерживаться в академии.

— А что, если у тебя не получится отыскать...

— Всё получится! — оборвала её Цин, наградив при этом испепеляющим взглядом. Синие глаза ярко полыхнули. — Я и так ждала слишком долго и больше не стану ждать! Я не могу подвести свой клан! И маму... — голос Цин дрогнул. — Я обещала! Загубленные души, что до сих пор бродят в гроте Вэйюань, они рассчитывают на меня, и я не отступлюсь! Идём!

Цин резко поднялась из-за стола, вернула вэймао на место и покинула просторное помещение, спустившись вниз по дощатым ступенькам. Лан-Лан вышла сразу за ней, бросив напоследок брезгливый взгляд на тарелку с женьшеневым супом.

Улица встретила их шумом, гвалтом и суетой.

— Далеко ещё до академии Цзянь-Фен? — поинтересовалась Лан-Лан, как только они оказались среди гомонящей толпы.

Прямая улочка убегала далеко вперёд.

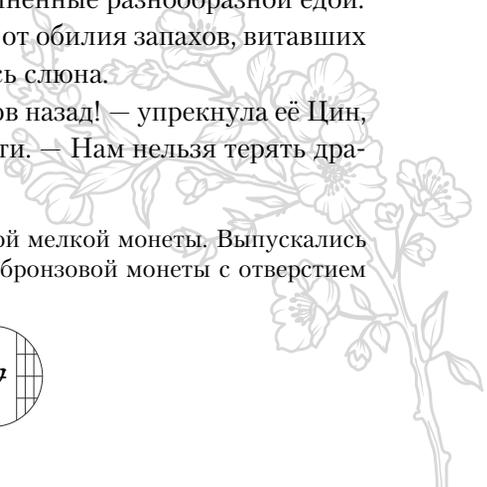
— Нет, — отозвалась Цин. — Почти пришли.

— Есть так хочется! Может, хотя бы в академии кто-нибудь сжалится над несчастной лисичкой и предложит ей что-нибудь кроме мерзкого супа! — пробубнила Лан-Лан, поглядывая на прилавки, заполненные разнообразной едой.

Её нос то и дело подрагивал от обилия запахов, витавших в воздухе, а во рту скапливалась слюна.

— Лан-Лан, ты ела пару часов назад! — упрекнула её Цин, поражаясь такой прозорливости. — Нам нельзя терять драгоценное время!

¹ Цянь — название китайской мелкой монеты. Выпускались преимущественно в виде круглой бронзовой монеты с отверстием в центре.

— Ты же сама сказала, что мы почти пришли, — фыркнула Лан-Лан, с грацией кошки маневрируя среди торговых рядов.

— Мы в Ли-Сяне не для того, чтобы набивать желудки! — взревела Цин, начиная терять терпение. Она стукнула пальцем по красному нефриту, висевшему на её шее. — Сейчас вернёшься на место!

Лан-Лан надулась, но промолчала, шагая дальше. Её ярко-коралловый шёлковый ханьфу развевался на ветру, словно флаг. Лиловый подол одеяния Цин мелькал рядом. Свою чёрную одежду ей пришлось сменить, а знак на лбу она сокрыла заклинанием, которому её обучил наставник Минж. Цин приложила немало усилий, чтобы ничто даже отдалённо не указывало на её связь с миром Бездны. Теперь для всех она просто человек. А это даже забавно!

— И всё же ты должна купить мне еду, — осмелилась сказать Лан-Лан, бросив на Цин взгляд, полный невыносимой муки. — Иначе я просто не смогу дойти до академии!

— Иди уже! — буркнула Цин и вложила ей в ладонь пару монет. — Обжора!

Лучезарно улыбнувшись, Лан-Лан бросилась к торговцу баоцзы¹.

Палатка торговца стояла на пересечении двух дорог. С одной стороны улица убегала далеко вперёд, и неизвестно, где она заканчивалась, с другой же обрывалась сразу за поворотом, образуя тупик.

— Я и тебе возьму! Со свининой! — крикнула Лан-Лан, втискиваясь в толпу желающих полакомиться свежими баоцзы.

Буркнув себе под нос что-то нечленораздельное, Цин отошла с дороги. Прислонившись спиной к дощатой стене и скрестив руки на груди, она принялась ждать. Её взгляд, скрытый ото всех вуалью, бегал из стороны в сторону, разглядывая людей, сновавших вокруг.

¹ Баоцзы — китайское блюдо, которое представляет собой небольшой пирожок, приготовляемый на пару.

Стоило Цин засмотреться на игру, которую затеяла шумная и неугомонная детвора, как внезапно на неё налетел оборванец в грязных лохмотьях.

— Побереги-и-ись! — закричал он, но было уже поздно.

Оборванец оказался слишком близко к Цин. В нос ей ударил стойкий запах нечистот и зловонного дыхания, заставивший поморщиться, когда грязные мужские руки схватили её за талию.

— Отойди от меня! Живо! — зашипела Цин, яростно сверкнув синими глазами, в тот момент напоминавшими штормовое море.

— Простите, госпожа! — проямлил оборванец и, оттолкнувшись от Цин, побрёл прочь.

Цин принялась с остервенением поправлять свой ханьфу, сетуя на то, что в Ли-Сяне всегда ошивались всякие сомнительные личности и процветало воровство. Куда только смотрят сановники и губернатор? Она потянула руку к поясу и... уже через секунду осознала, что нищий обобрал её. Он вытащил из-за пояса ханьфу мешочек, в который она спрятала фарфоровый флакон.

Всё внутри Цин заледенело от осознания этого, и она резко дёрнулась, шаря ошалелым взглядом по сторонам. Только не бальзам! Без него она не сможет попасть в академию!

— А ну стой, воришка! — крикнула Цин и бросилась вдогонку за оборванцем, но тот уже скрылся за углом.

Свернув в ту сторону, что оканчивалась тупиком, Цин, наконец, увидела вора. Рядом с ним ошивалось с полдюжины мужчин такого же непрезентабельного вида, как и он сам.

«Сейчас я тебя проучу!» — взвилась Цин, идя к нему.

— Стой, гадкий вор! — рявкнула Цин, и мужчины, словно по команде, разом обернулись на её крик.

На лице оборванца расцвела мерзкая ухмылка, не предвещавшая ничего хорошего. А когда за спиной кто-то ехидно рассмеялся, Цин поняла, что угодила в западню.

Громкий раскатистый смех нескольких глоток заставил Цин поджать губы. Они всегда так смеялись, пока не ста-